

Из книги «Августовский путч: Причины и следствия»

Я закончил работу над книгой в феврале. Драматические события последних месяцев 1991 года уходят в историю, а жизнь продолжается, и мы находимся сегодня в совершенно новой ситуации.

Я остаюсь приверженным идее глубоко реформированного Союза как целостного государственного образования. Не могу согласиться, что распад Советского Союза был предопределен, неизбежен, поскольку-де «имперский» характер унитарного государства препятствовал обретению подлинного суверенитета республиками. Если это и была империя, то совсем особого рода: не было господствующей нации, господствовала тоталитарная административно-распорядительная система, которой были подчинены все народы Союза.

Логика перестройки неумолимо вела к подлинной независимости, отвечающей воле и коренным потребностям народов. Но это должно было произойти в контексте и взаимосвязи со всеми социально-экономическими преобразованиями страны. Ибо только в этом случае процесс суверенизации прошел бы наименее болезненно — в такой стране, где степень интегрированности давно переросла в «монолитность». Именно поэтому я все время настаивал: нельзя допустить хаотического распада страны. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе Суверенных Государств», которая первоначально встретила поддержку большинства руководителей нынешних независимых государств.

Мы многое сделали, чтобы предложить народу адекватную политику. Но многое и недооценили. В частности, силу национальных чувств и устремлений, но также и то, как национализм умеет использовать реально существующие социальные, политические, культурные и иные проблемы. Оказывается, в памяти народов не стерлось, какая судьба многих из них постигла при сталинизме, как тогда (да и потом) кромсались границы, попирались национальная культура, обычаи, язык, превращались в декорацию, в формальность политические права меньшинств, автономий. Стоило обществу вдохнуть кислород демократизации — старые обиды вырвались наружу. И все же в основном удавалось через предложенные реформы придать национальному возрождению более или менее мирную направленность. Мы были уже на пороге подписания Договора о Союзе. Путч сорвал это. Приверженцы тоталитарного, бюрократического централизованного государства не приняли идею нового Союза, и пошли на крайние шаги.

Я утверждаю, что эта идея была жизнеспособной. Даже, несмотря на августовский путч, который резко подстегнул дезинтеграционные тенденции, нам

удалось выйти на знаменитое заявление «10+1» и на формулировку краеугольных принципов обновленного Союза. Но, к сожалению, события пошли по другому руслу. Если воспользоваться выражением Линкольна, мы уподобились тем, кто меняет лошадей и колеса кареты посреди бурной реки.

Когда заявляют, будто другого выбора не было, — это неправда. Выбор был, и не какой-то умозрительный, взятый «из головы». Предпосылки для него появились не вдруг, не на пустом месте, а были подготовлены политически — мартовским референдумом, обсуждениями и решениями Съезда народных депутатов, согласованным проектом Союзного договора.

Почему возобладал иной сценарий — я попытался объяснить в книге. Но политика есть политика, и сетовать теперь на неблагоприятную политическую погоду или стечение обстоятельств — занятие бесполезное. Что сделано, то сделано. Пройден определенный рубеж, возникла новая реальность. Для политика это значит, что надо это учитывать и соответственно действовать...

«Августовский путч: Причины и следствия». М., 1991, С.90